

Той ржави тыл

Что ещё может быть более привычным в здешних краях, кроме как наблюдать за ярким, пёстрым, словным, словно бок у бурёнки или ею же разбрызганное молоко, небом над головой, особенно когда наше ярко-синее ночное светило поднимается из-за горизонта и освещает полупрозрачным, точно практически незримые испарения газа линиями своих фотонов поверхность моей родной страны.

Как сейчас помню, я сидел тогда, задумчиво болтая ногами в пыли, простиравшейся от моего дома в пространство, за которым начинались почти что безграничные поля посевов, какие-то постройки, в том числе и полуразрушенные, и это яркое огромное светило всему придавало неповторимый оттенок спокойствия, гармонии и равновесия. Я думал о том, правдивы ли были стариковские сказки, задумчиво глядел на себя, на сидящих неподалёку знакомых девчонок и парней. И думал, думал, думал, не переставая: кто мы по своей природе, откуда мы явились в этот мир, зачем мы здесь вообще? И не находил ответа.

В здешних краях мне с самого детства всё казалось каким-то незавершённым, точно бы недосказанным. Не знали мы ничего о том, как жили люди всего лишь двести, быть может, триста лет тому назад, всё наше знание ограничивалось исключительно теми во-многом фантазмагорическими небылицами и сказками, которыми вдоволь почивали нас наши прародители - бабушки, дедушки и их родители, если кому из нас довелось застать таковых. Но те, как правило, в полном забвении, ничего нам поведать не могли, откуда и как они сюда пришли. Вот ведь, что удивительно: никто, никто из моих знакомых не мог сказать, кем были их прапрадеды! Даже прабабушки и прадедушки чаще всего, ссылаясь на свою забывчивость, говорили, что они были сироты. Но, право слово, не могли же все, абсолютно все они являться таковыми, разве нет? Кто-то, наверное, да должен был помнить своих родителей? Но, из года в год, эта тайна всё более и более окутывалась маком.

Я продолжал свои пространные размышления, когда ко мне подошла младшая сестрёнка Рита семи лет от роду, подобными мыслями ещё явно не озадаченная. Хотя надо бы четко отметить, что она мне часто рассказывала такие вещи, которые были ещё почище стариковских сказок. И вот сейчас, схватив и дёрнув меня за подол брюк, она другой рукой указала куда-то на линию горизонта. Там, у самой границы, где поверхность земли сливается с небом, виднелись

какие-то полуразрушенные строения.

- Ну чего тебе? - я с некоторым раздражением отвлекся от своих мечтательных мыслей.

- Ростик, я там опять видела мертвяка, точно-точно такого, про каких нам бабушка рассказывала, только он...это...того, не шевелился.

- Дак, ну-тк! - удивился я сестрёнке уже в который раз в своей жизни. - А ты что, хочешь, чтобы он туда-сюда ходил да руками-ногами размахивал, так что ли? Он же ведь мертвяк и есть, что ж ты от него хочешь!

- Неееаат! Ты глууупый, ничего сам не понимаешь, - стала капризничать Рита, почти что мяукая. - Это те, те самые мертвяки, которые, которые ухаживали за бабушками-дедушками в давние времена, это же они!

- Что ты там опять сочиняешь, внимания тебе что ли не хватает? - я уже начинал потихоньку сердиться на свою младшую сестру.

- Они там, там, никуда не делись! - всё не унималась девочка.

- Ладно... - я встал, ещё раз вдохнул полной грудью свежий воздух позднего вечера, осмотрел на мерцание и помигивание звёзд над головой и зашёл в свою землянку.

Надобно вам сказать, что места, в которых мне довелось родиться и жить, были очень глухими. С одной стороны, прямо за небольшой деревней, в которой мы все обитали, начинался густой и суровый хвойный лес, куда даже среди белого дня заходить было довольно-таки боязно, но, всё-таки, существовали же люди, отстроившие когда-то и для чего-то эту деревню? С какой-то целью? Наверное, чтобы нам всем здесь комфортно жилось. А, значит, и брёвна эти люди брали явно оттуда, поскольку брать их было больше неоткуда.

С другой стороны от деревни, там, где начиналось поле, оно постепенно заболачивалось, а этот болотистый берег, в свою очередь, переходил в яркое, почти идеально круглое и кристально чистое голубое озеро, за которым и дальше тянулись болотца, какие-то скалы, провалы и холмы, покрытые деревьями, травами и благоухающими цветами, а вот что именно находилось за этими гористыми лесами не знал уже практически никто, точно так же, как и неизвестен был облик ландшафтов, находившихся по ту сторону от тёмного леса за нашей родной деревней. Тут я вспомнил, что ещё в далёком детстве мой прадед - очень старенький сморщенный старик с длиннющей белой бородой - незадолго до своей кончины в весьма и весьма преклонном возрасте, рассказывал мне, как ещё в его детстве, в будущность свою десятилетним мальчишкой, он собрал стайку таких же сорванцов,

каким был он сам, и отправился на поиски ответа на вопрос, что же всё-таки скрывается за этими лесами и озёрами.

Шёл долго, несколько дней ему приходилось ночевать в сооружённых из хвороста и сухих листьев шатких хижинках, неспособных уберечь не то что от дикого зверя или бури с ветром, но даже и прсто от тихого ночного чуть печального дождика. Он с друзьями чуть не утонул в болоте, но, всё же, в одно прекрасное утро, он добрался-таки до края света, за которым уже не было ровным счётом ничего.

И рассказав мне об этом случае, прадедушка погузился в долгие раздумья. Он сказал ещё, что нашёл то место, где твердь земная сходится с небом, а за этим краем...там всё закончилось. И сколько я ни выпытывал, сколько я не выпрашивал у него, что же там, за этим самым краем мира, он лишь продолжал хмуро молчать, курить свою трубку и, попыхивая ей, разглядывать поднимающиеся в небо колечки дыма.

Впрочем, эти его рассказы в моей памяти так и остались сказками о вещах, которые никак невозможно было ни представить, ни понять, ни подтвердить, ни опровергнуть, ведь как небо может сходиться с землёй, если горизонт постоянно отдаляется, в какую сторону ни пойдешь, и никогда ты его не достигнешь? А дед вот говаривал, что смог достичь горизонта на крае света! Вот что будоражило мой ум, оставаясь очередной загадкой, не имевшей решения.

На следующее утро, с первыми яркими солнечными лучами, я услышал снаружи от землянки какой-то странный шорох и радостные возбуждённые крики детских голосов. Дети, бывшие в то время почти моими ровесниками, громко галдели, наперебой обсуждая какую-то новость, показавшуюся им удивительной.

Ну какая, извините, новость могла так взбудоражить их воображение? Ведь в нашей Центральной Пыхтеловке ничего лет сто уже не происходило такого, о чём стоило бы значительно волноваться, а что же в ней происходило больше ста лет назад, как уже было сказано ранее, никто и не знал, так что можно было догадаться, что в ней, по-видимому, вообще никогда ничего значительного и не происходило за всю историю её существования в своём становлении и развитии. Из всех новостей было только разве что у кого и где домашняя скотинка разродилась, да какая скотинка, наоборот, отправила душу свою в Верхний Мир вещей предков. Ну что нас могло сподвигнуть чему-то очень сильно удивиться? Но мои друзья-соседи продолжали галдеть.

В те времена я и сам от них был недалёк по возрасту - было мне

тогда лет двенадцать, может, тринадцать. А этим соседским ребятишкам - лет девять-десять. Я вышел, поздоровался с ними, и тотчас же они начали наперегонки рассказывать мне ту же ритину небылицу про мёртвого мертвяка. Я попытался их успокоить, рассудительно предположив, что мало ли чем или кем он мог являться, да и, в конце концов, он ведь признаков жизни-то не подаёт, лежит себе, да и пушай себе лежит потихоньку. Но ребята-девчата начали настаивать на том, чтобы я обязательно, просто всенепременно отправился за ними. Идти оказалось не так уж и далеко. Километров пять-шесть, как раз туда, где на горизонте, если смотреть из Пыхтеловки, виднелись те самые злополучные, как мне тогда уже начинало казаться, руины каких-то конструкций, построек, зданий и сооружений.

Пока я шёл по яркому ржаному полю, наблюдая, как над головой проносятся кучевые облака и реют в небе птицы, как будто выкрикивая собственные желания наперекор их воздушным птичьим судьбам, я вспомнил, как когда-то давно, ещё в возрасте лет четырёх от роду, я вышел вот так же ночью в поле, начинающееся за деревней, посмотрел, как вокруг клочьями собирается синеватый, почти серый флуоресцирующий туман, и побрёл бесцельно в клочьях этого тумана, опустив руки и плечи, наблюдая, как в обрывках светящихся обволакивающих клочьев пасутся лошади. Я разглядывал тогда висящее полное ночное светило над головой, раскрашенное угольками огоньков, как будто оно было одним большим угольком, висящим где-то далеко в небе и уже начинающим медленно-медленно остывать. И чувствовал, что, кроме вот этой одной-единственной клубящейся туманом поляны, не существует в реальности ничего более.

Казалось, что стоит мне лишь приблизиться к самому краешку поляны - и мир на ней закончится, а я вдруг увижу, что я вот точно так же всю жизнь, нескончаемо, день за днём лишь блуждал туда-сюда по всему периметру этой самой туманной поляны, а затем вдруг вырос, повзрослел, возмужал, окреп, со временем состарился, одряхлел, согнулся трясущимся знаком вопроса и, неожиданно, вновь проснулся любопытным ребёнком, увидев, что в этом холодном и сыром квадратном мире не существует и никогда не существовало ничего, кроме завораживающего морозного неба над головой, тускло и таинственно лучащегося, как болотная гнилушка, клубящегося пространства вокруг, пасущихся в нём призрачных лошадей, да бегающих где-то вдалеке, вне поля обзора зверушек, чьи невнятно бурчащие голоса отдавались эхом в гулкой сырости

застывше-засвеченного поля.

Я тогда подошёл к самому краю и понял, что не могу шагнуть дальше, потому что поле висело одинокой плитой где-то в глубинах космоса, и там далеко снизу, сразу за краешком обрыва, начиналась бесконечная пропасть вникуда. Но я всё же сделал над собой тогда усилие, достойное храбрости титанов, шагнул вперёд, туда, где, казалось, начинался бесконечный обрыв...и вздохнул полной грудью: туман рассеялся, а я, так никуда и не провалившись, стоял посреди поля среди колышащихся на ветру ароматных трав и думал: вот, мне нужно было сделать лишь один махусенький такой шажок, зато скольких усилий он стоил, сколько пришлось вложить в этот шажок силы воли, однако я всё-таки смог победить тогда своё нарочито надуманное чувство отчаяния и ужаса перед воображаемой пропастью, казавшейся мне тогда столь реальным и логичным завершением той невнятно-дымчатой поляны, по которой я, как мне тогда представлялось, уже сумел проблуждать всю свою жизнь, вновь вернувшись к состоянию мальчишки, только начинающего открывать этот чудный мир и с новой силой очарованного красотой безграничного великолепия его многогранной непостижимости и удивлением от собственного существования в этом мире. А лишь секунду спустя, я с криком радости от сброшенного эмоционального груза, ринулся бежать напрямиком в родной дом.

Вот о чём я размышлял и что вспоминал во всех мельчайших подробностях на пути к руинам. Тем временем, мы уже почти дошли. Я настолько глубоко погрузился в собственные умствования, как это довольно часто случалось со мной, что не сразу даже услышал, как ребята со всех сторон продолжают что-то громко обсуждать, смеяться, хихикать и весело прыгать где-то вокруг меня. На их фоне я выглядел этаким мрачно-мизантропическим философствующим дылдой и, как бы держась немного в стороне, всё-таки решил однозначно узнать, что именно они там себе навывдумывали.

- Вот здесь, здесь! Смотри там! - кричали товарищи, там мертвяк валяется.

Опять-таки к месту мне вспомнилось, что когда-то бабушка рассказывала нам с Ритой о каких-то чудесных добрых мертвяках, которые и к людям-то, вроде, никакого отношения не имели, ну разве что так, чисто внешне: две руки, две ноги, голова, а в остальном - да самовар самоваром! И вот эти мертвяки, как их все называли, тогда что-то очень активно строили, сооружали, ухаживали за всеми нашими прабабушками да прадедушками, когда те были ещё детьми. И, в

общем-то, делали очень многое из того, что затем как-то довольно быстро легло на плечи всех последующих поколений. Необыкновенные эти создания садили рожь, овёс и пшеницу, стругали дерево, даже зачастую готовили пищу и приглашали к трапезе, но сами нигда не питались пищей людей. Неужели все эти рассказы о каких-то чудесных помощниках, которые заботились о наших былых поколениях и впрямь были не просто выдумками для того, чтобы развеселить своих внуков и правнуков. Неужели и на самом деле помощники когда-то существовали? Все эти мысли кубарем пронеслись у меня в голове, и дальше я последовал за остальными детьми в полуразрушенную постройку.

Средь руин лежали обломки каких-то металлических пластинок, покрытых толстой ржавой коростой, растянутые от времени и долгого срока службы пружины, а во всей этой гряде металлолома угадывались вполне себе человеческие контуры. Сквозь изъеденную временем и долгими проливными дождями коросту наружу выступали какие-то катушки намотанных медных проволок и куски очень странного материала, которого я никогда и в жизни-то не видел. Он был похож на плотную белесую смолу, только очень хрупкую и очень твёрдую одновременно, уже помутневшую, ставшую тусклой и пожелтевшую от старости. Похоже на то, что смоле можно было придать любую форму, что и сделали мертвяки или те, кто их создал, либо же там, откуда они произошли, этот материал был известен и широко распространён. Но, право слово, за всю свою долгую, а может быть, и не очень долгую жизнь, я ни разу в глаза не видел ничего хотя бы отдалённо похожего на этот материал.

Мы подошли поближе к мертвяку. Один из мальчишек взял палочку и боязливо, очень осторожно и пугливо потыкал этой палочкой поверхность лежащего тела. Ничего не произошло. Мы тогда очень внимательно посмотрели на голову этого самого странного ржавого создания. Его выпученные глаза таращились наружу, они были, по-видимому, стеклянными, а сквозь поверхность пыльного стекла проглядывал какой-то странно-переливчатый чуждый блеск синевато-фиолетовых с малиновым оттенком зрачков.

Мальчишка с палкой просунул эту самую палку в одно из проржавевших отверстий на валяющемся возле наших ног туловище и, слегка поднажав, раскрыл пред нами внутреннее строение сего странного создания. Внутри виднелись какие-то соединённые друг с другом и надстроенные в несколько слоёв пластинки со множеством неясного вида и выполняемой задачи нашлёпков, чёрных и бежевых

квадратиков и прямоугольников камешков, пластинок, из которых торчали блестящие ножки, тонкие и многочисленные, будто у впившейся в зеленоватую поверхность ядовитой сколопендры. Были здесь и целые плеяды цилиндриков размером с осу, покрытых ржавчиной и шапками белесых наслоений пушистых микроскопических соляных кристаллов, а также странных соединений из тончайших, точно волосок, нержавеющей металлических изгибов и полосочек.

Мы очень долго рассматривали эту пластину с таким невероятным количеством ювелирно прикреплённых, зачастую едва заметных глазу, элементов, но так и не поняв её предзначение, стали решать, что же нам вот с ним, с созданием этим, делать. В конечном итоге, мы решили, что вреда мертвяк никому точно не причинит, но, на всякий случай, дабы не бросать это бездыханное тело просто так вот валяться среди руин, мы набрали осыпавшихся со стен кирпичей и полностью его этими кирпичами обложили, соорудив что-то наподобие небольшого такого мемориала погребения или же микросклепа. И мы все тогда поняли, что таки-да, жить это создание уж точно никогда не могло. Но вот чем оно являлось, почему оно, по-видимому, мыслило, ходило и дело то же, что и люди, хоть и пребывая постоянно в состоянии своей безжизненности?

Я много раз спрашивал у старших, где ещё живут люди на нашей земле, что стало со всеми ними и почему мы живём именно здесь, а старшие лишь пожимали плечами, не находя ответа. Старики, бывало, рассказывали о том, что то ли мор какой прошёл, то ли война, то ли просто планета содрогнулась да и скинула всех остальных людей в космос, да только вот настоятельно они рекомендовали не искать никого из людей в округе. И впрямь, сколько мы здесь живём, и насколько мы знаем, в округе действительно нет никаких других поселений, а всё только леса, поля, степи, озёра, болота, скалы, а за ними, скорее всего, опять всё то же самое - повторение всей этой круговерти. А что там дальше? Кто его знает...

Особенно более всех людей из нашей деревни настаивал на том, чтобы мы никуда в своей жизни не удалялись от родимой Пыхтеловки тот самый прадедушка, который утверждал, что дошёл до края света. Я вернулся в свою землянку в глубоких раздумьях, и от переизбытка чувств свалился на устланную сеном лежанку, забывшись беспробудным сном аж до самого следующего утра. А дальше последовали привычные заботы и работы деревенского мальчишки - ухаживать за своей лошадкой, чинить скрипучие колёса телег и тележек,

кидать заготовленное сено, чистить коровку-кормилицу нашу и сарай, где живут поросята, водить всё ту же пятнистую коровку на пастбище и, конечно, никуда невозможно было деться от всей этой бесконечной круговерти, даже если мысли были заняты чем-то совсем другим.

И вот, в процессе моих утренних сельскохозяйственных работ мне пришла в голову идея повторить подвиг своего прадеда, разузнав правду о том, что же всё-таки имеется и происходит где-то там - за лесами, за полями, за высокими горами. Когда же я всё-таки разобрался со своими делами, то начал собирать ребят для путешествия, дабы не было столь скучно и взаимопомощи ради, ведь оно, возможно предстояло долгим и, возможно, не очень-то лёгким и приятным.

Сестра Рита, узнав о моих планах от соседских мальчишек, в искреннем порыве своего извечного любопытства и в силу настырности характера, заставляющего её постоянно совать свой пуговичный нос в дела, её не касающиеся, начала капризничать, уговаривая меня взять её с собой. Но, понимая всю серьёзность и возможную долговременность предстоящего пути, я вынужден был ответить ей на этот раз решительным отказом, чем, конечно же, очень её расстроил.

Успокаивало только лишь одно: пешком нам с соседскими ребятами, с радостью согласившимися составить мне компанию, было идти вовсе необязательно - у меня же была лошадь! И вот мы все, никому больше ничего не сказав и ни у кого не спрашивая разрешения, отправились в путь-дорожку. А ребят от такого приключения удержать не мог уже никто, поскольку это могло стать, быть может, самым интересным, самым запоминающимся и самым ярким событием за всю их жизнь! Ведь, вероятно, даже на веку у их родителей не было ничего подобного, раз они всю свою жизнь провели в круговерти Центральной Пыхтеловки, опасаясь ходить дальше болотистого берега озера за полем пшеницы.

Захватив необходимый запас фуража для лошади и провианта для нас самих, состоявшего из нескольких местных яблок да зелёного гороха в стручках, мы шестером отправились в путь. Моя лошадка резво бежала перед нами, чуть-чуть подпрыгивая на дороге в порыве вдохновенного позитива, буквально на полтора-два метра в высоту. Словно бы играя, она легко подбрасывала вверх влекомую за собой деревянную телегу, так что мы все точно бы летели по воздуху, плавно и волнообразно то поднимаясь вверх вместе с телегой, то тихо опускались вниз, воображая себе, будто мы все стремглав несемся себе на расписном восточном ковче-самолёте, а лошадка наша на самом деле - выпущенный из лампы джинн. Образы эти дошли откуда-то из

полузабытых древних сказок, устно передававшихся из поколения в поколение, а впервые изложенных невесть как давно ещё всё теми же заботливыми мертвяками, в существование которых я до недавнего момента вообще не верил.

Огненногрявая моя длинноволосая Ржанка явно радовалась тому, что её наконец-то выпустили, хот и в упряже, побегать и порезвиться на воле, под чистым лазурным небом и на свежем ароматном ветре, пропитанном эфирными испарениями полевых лекарственных трав, ежегодно пучками заготавливаемыми у себя на чердаке местной деревенской знахаркой Друлятой, которая, говорят, по совместительству ещё и подколдовывала порой, от случая к случаю, если её уметь очень хорошо и убедительно попросить о этом. Гулять же от стенке к стенке, с бугра на бугор собственного хлева, было для Ржанки, по-видимому, совсем уж нестерпимым испытанием. Он так и продолжала рьяно нестись по дороге средь пшеничного поля, покуда эта самая дорога не закончилась.

Оказывается эта самая дорога, которую я ещё с самого раннего детства считал ведущей куда-то вникуда, и на самом деле никуда не вела и ничем не заканчивалась. А точнее, она очень даже и вела напрямиком к болотистым берегам нашего округлого озера. Озеро звалось Рябушкино, и в нём водилась рыбёшка мелкая, как и само озеро, а потому рыбацкий промысел хть и возникал спонтанно у нас в деревне время от времени, но, в вообще-то рыбу мы не особо жаловали, ибо костей в ней была целая уйма, а зато мяса - всего ни на грош. Покуда дорога обращалась во всё более и более безвестную сырую тропу, мы решили, пока моя лошадка совсем не увязла, разрешить ей свободно отправиться восвояси, ведь она же умная, умная она, лошадка-то, и дорогу обратно в свой родимый хлев найдёт всенепременно. Мы же, распрощавшись с нашей длинногрявой всенепременностью, средь болотистых берегов остались одни вшестером без какого бы то ни было транспорта.

Мне бы не хотелось вспоминать, с какими сложностями и трудностями мы обходили Рябушкино, за которым, по прошествии многочисленных подтопленных болотистых полян с репками торчащих повсеместно зеленых, как инопланетные лица, кочек, начинался резкий подъём куда-то к скалам наверх, но уже во время приближения к этой холмисто-гористой местности, мы с сожалением обнаружили некоторую недостачу, оказавшуюся, кстати, для нас весьма и весьма весомой и важной на тот момент. А именно, мы забыли забрать яблоки и горох, оставив их на уехавшей домой телеге. Теперь у нас больше не

было с собой пропитания.

Солнце уже клонилось к закату, и мы тогда решили, что, быть может, там за горами, где начинаются густые леса, которые уже отсюда было видно достаточно отчётливо, мы и сможем найти какие-нибудь съестные ягодки-корешки-грибы, и с этой бодрой уверенностью принялись карабкаться высоко на гору, перегородившую нам путь. После того, как мы взобрались как можно выше, солнце уже совсем зашло, и мы легли прямо на самой вершине скалы рассматривать глубокое, особенно в этот сезон, небо над головой.

Тихой и осторожной походкой в наши края подкрадывалась благодатная осень. Лето ещё лизало нас своими тёплыми язычками мягкого и ласкающего ветра, лето не хотело уходить, точно сомневаясь, передавать ли нас в дар и безграничную власть осени, но осень приближалась уже неотвратно, а с ней - богатые урожаи, особенно сочные ароматные яблоки во фруктовых садах и раздувшийся толстенными шишками сладкий горох, от которого всегда так нестерпимо урчит и булькает в животе, точно в берёзовой бочке, где готовится и вызревает, поджидая момента своей особенно ядрёной насыщенности, пузырящийся сладкий хлебный квас или пробирающий до самых кончиков пят сидр.

Многоцветное листопадье деревьев в лучах самых первых намёков на ранние осенние деньки, переливчатость колышущихся живых красок, словно кочующая куда-то волнующим дух и бодрящим тело воздухом застывшей, почти окоченевшей осенней свежести. И, конечно, здесь же прорастающие под деревьями боровики, грузди, лисички и маслята, яркие в своей оранжеватости ивысоченные стволы хвойных деревьев, точно сочащиеся по всей поверхности пахучей целительной смолой и прорастающие куда-то под самые облака мохнатыми хохолками изумрудных иголок.

Вы задумывались когда-нибудь, какое же многообразие всевозможных оттенков и красок царит в себе природа, а когда вы входите в осенний лес, то все эти разномастные трепещущие пятна полутонов словно бы обрушиваются на вас безудержным шквалом отличного настроения и прилива сил? Прохладный осенний воздух пахнет прелыми листьями и свежепроклюнувшимися из-под листьев грибами. Благоухают лесные ягоды и свежая хвоя, такую красоту невозможно не заметить, в неё можно только погрузиться с ног до головы, полностью впитав в себя этот разномастный осенний порыв, словно морская губка, но выбравшая своим жизненным девизом поглощение всего только самое светлого и радостного в оттенки этой

бурной жизни, продолжающейся, наверное, не один миллион лет. Хотя, кто знает, сколько лет этой жизни? Было ли за последним столетием нашего известного нам существования хоть что-то? Я не знаю. И никто не знает.

Но самое главное, что было действительно важно для нас, что мы были все вместе здесь и сейчас, и мы решили тогда, что двинемся в путь дальше и будем продолжать двигаться, пока не достигнем цели. На следующее утро с самыми первыми лучами солнца мы проснулись в то самое время, в которое и привыкли просыпаться, как правило: около четырёх часов утра. Впрочем, часов ни у кого из нас с собой не было, поэтому точное время мы знать не могли.

Мы прогуливались между деревьями вдохновенного ранне-осеннего леса, наблюдали за криками птиц и зверей, видели много чего интересного: кочующих из места в место ежат, дремлющую в дупле довольно старого лиственного дерева сову и прыгающих то там, то сям зайцев. Этот шорох наполнял нас, заставляя всех смиренно притихнуть и предаться каким-то собственным размышлениям.

Так мы шли ещё целый день, а потом ещё и следующий день. Казалось, этому лесу не будет ни конца и не края, казалось, мы вот-вот распухнем от голода, когда на красные полупрозрачные ягоды брусники и костяники, плоды голубики, словно бы следящие за нами птичьими глазками откуда-то из-под травинки, гроздь розово-оранжеватых шариков морошки и пролезающие повсеместно, но чаще всего червивые, маслята и боровики, мы уже просто не могли смотреть, поскольку не могли в себе переварить всю эту бурду, употреблённую в неприготовленном сыром виде. А готовить нам было нечем, не на чем и не в чем - ни спичек, ни котелков у нас с собой, конечно же, не оказалось.

Но ничто не заканчивается так просто. Абсолютно неожиданно мы наткнулись на высокий ражавый решётчатый забор. Мы думали, быть может, за забором имеются какие-нибудь постройки, которые этим вот забором и были отгорожены от всего окружающего леса, но там не было ничего, вот совсем-совсем ничего, что могло бы нас в той или иной мере приободрить, вдохновить или хотя бы заинтересовать. По ту сторону от забора, так же, как и по эту сторону, был только лес, лес и ничего кроме леса.

Петька, один из мальчишек, предложил пройти некоторое расстояние вдоль решётки в надежде хоть где-то, быть может, даже на расстоянии нескольких километров от того места, где мы находились, отыскать какую-нибудь дырку в пружинистом металлическом

ограждении. Так мы и поступили, но на этот раз нас ждало сплошное разочарование - там ничего не было.

Тогда ещё один из ребят, Святогор, любопытный, прям как моя сестра, десятилетний сосед, одетый в белую домотканную рубашку, шаровары и уже стоптанные от долгого пути лапти, и которого все называли просто Гориком, предложил поступить гораздо проще - сделать под забор подкоп вместо того, чтобы идти, ждать и надеяться, что этот забор когда-нибудь закончится. Ограда и так-то уж не выглядела слишком уж прочной и, вероятно, была призвана останавливать путников наподобие нас - и кто знает - останавливать на пути к чему или ограждать от чего?

Единственное, чего мы действительно опасались, так это продолжения решётки вглубь под землёй, тогда бы все наши труды оказались бы тщетными, и нам пришлось бы либо возвращаться обратно, либо искать какой-нибудь способ перелезть через этот забор. Однако все наши опасения в итоге оказались напрасным, и нам в конечном итоге удалось преодолеть эту преграду, просто быстро разрыв палочками сухого хвороста, найденными неподалёку, подкоп под этот сетчатый забор, перебравшись на противоположную сторону и продолжив путь по всё тому же расчудестному то ли поздне-летнему, то ли ранне-осеннему лесу. Мы посмотрели на то, во что превращается наше странноватое путешествие и решили продвигаться дальше с двойной уверенностью и целеустремлённостью узнать правду или окончательно склеить ласты от этих давно уже набивших нам всем оскомину корешков и грибов.

Прошло ещё несколько часов нашего пути, в лесу стало как-то очень уж тихо. Ни шороха зверей, ни шепотков лазящих под ногами и листьями насекомых, лишь шорохи самих листьев да далёкие крики птиц и гул ветра в ветвях деревьев возвещали нам о том, что жизнь в природе всё ещё продолжается. А спустя ещё часов двенадцать или около того нам предстало зрелище, шокирующее настолько, что мы уже не знали, куда нам деваться и как теперь с этим грузом за плечами жить дальше. Тогда я понял, что прадед мой не врал мне, а говорил чистую правду, и тогда же я понял, почему он просил меня никуда не отходить от Пыхтеловки. Именно по этой самой причине.

Мы с ребятами остановились. Лес закончился, а за ним ещё на несколько сотен метров продолжалось поле, заросшее бурьяном и сорняками, а за этим полем поблёскивало стеклянистым мерцанием небо. Выглядело это так, будто гигантская, раскинувшаяся на десятки, если не сотни километров, небесная полусфера метрах в трёхстах

впереди от нас вдруг смыкалась с поверхностью поля. Дальше хода не было.

Тогда мы решили продвинуться вплотную к стеклянистой полусфере и посмотреть, что же находится по ту сторону от неё. Когда же подошли к ней достаточно близко, чтобы рассмотреть все элементы конструкции, то эта полусфера предстала пред нами почти что безразмерной. Она начиналась у толстенных, очень широких и, по-видимому, очень прочных металлических оснований, вкопанных куда-то под землю и закреплялась к этим основаниям посредством многочисленных, дугой изгибающихся куда-то высоко вверх сваях, терявшихся где-то за небесной лазурью. Было ощущение, что здесь, именно в этом месте встретились день и ночь.

С одной стороны пейзаж был почти что патриархально-идиллическим: разношёрстно-благоухающее поле разнотравья, исполненное жужжания пчёл, шмелей и шершней во всей своей многочисленности. Сновали осы, поджужживали им в тактовый унисон мухи, дальше, за полем - мрачно-таинственной стеной нависал тёмный часток кол дремучего смешанного хвойно-лиственного леса... А над нами, прямо у нас над головой, толстый и, кажется, многослойный материал, поддерживаемый такими же объёмистыми дугами металла, уходил куда-то за кучевые и даже перистые облака и где-то там терялся, растворяясь на невообразимой высоте в приближении к насыщенной синим цветом и залитой солнечными лучами точке зенита.

С противоположной стороны от разделявшей нас многослойной прозрачной перегородки действительно не было практически ничего, за что глазу можно было бы с уверенностью зацепиться. Если на своей родной и знакомой стороне мира мы могли наблюдать, как сквозь клубящиеся облака на нас снисходят косые лучи, несущие тепло и жизнь всему существу в природе, окружающему нас, то там, по ту сторону от стеклянной перегородки, нестерпимым блеском сияли звёзды. Они были раскалённо-ослепительными настолько, насколько я их не видел даже в самую ясную, безветренную и безоблачную ночь, они буквально ослепляли, тогда как до самого горизонта тянулась пугающая своей опустошённой безжизненностью равнина, покрытая непроницаемо чёрной пустынной пылью и заканчивающаяся где-то вдалеке высоченными и столь же необычайно чёрными, как и всё остальное пространство, горами, похожими на шипастые крючья зубов, нанизанных на нижнюю челюсть трансгалактического чудовища, свалившуюся вдруг с неба и покрывшую собой весь горизонт

открывшегося нашему взору, вероятно, смертоносного пространства вечного бездыханного мрака и холода.

Я представил себя находящимся с противоположной стороны исполинского купола, разглядывающим сквозь необыкновенное и практически незаметное глазу стекло - или чем был прозрачный материал перед нами - островок цветения, благоухания и жизни, не в силах прорваться вовнутрь, замерзая, утопая в многометровой пыли этих мёртвых пустошей, представил - и содрогнулся от пронзившего всё моё естество чувства экзистенциального ужаса, похожего на ночной кошмар.

Видимо, мой прадед испытал те же самые эмоции в своё время и тоже содрогался, обнаружив себя вдруг в клетке последнего оплота жизни на планете, откуда некуда бежать, ибо вокруг не царит ничего, кроме безличной, пустой и безжалостной стихии, несущей смерть всему живому, да иссиня-чёрных гор, выше которых никто из нас в жизни ничего не видал, ну разве что плывущие по небу под куполом облака, да само небо, которое теперь мне уже не казалось таким уже однозначно отрадным и возвышенным, как в раннем возрасте, когда я не знал ещё этой страшной истины жизни в здешних краях. Кто мы, кто? И кто, а главное, зачем соорудил это толстенное многометрово-многослойное покрытие? Почему и с какой целью мы все здесь находимся и есть ли в мире ещё люди где-нибудь?

Мы с соседскими ребятами стояли, ошарашенно наблюдая жуткий пейзаж, не в силах от него оторваться, наверное, часа два или три, пока над горизонтом не начало подниматься наше огромное ночное светило, заливая всё окружающее пространство жидковато-синим цветом и само расцветиваясь вспыхивающими точками ярко-жёлтых на тёмном фоне огней и каких-то сиящих нитеобразных линий, соединяющих эти точки. Как и всегда, впрочем. И в этом открывшемся нам новом знании чувствовалась дикая тоска отстранённости по чему-то абстрактному и не свершившемуся, навсегда потерянному и никогда уже не свершающемуся в силу каких-то объективных законов природы, остающихся для нас, тем не менее, абсолютно неразрешимой загадкой, которую, тем не менее, всё же очень хочется хотя бы попытаться разрешить.

Понутив головы, мы отправились в обратный путь, в деревню Пыхтеловку, единственное бесценное прибежище человека на целом свете. Наконец, спустя почти неделю с начала нашего путешествия, когда мы уже приближались ко своим домам, пройдя горы, леса и болотистые берега озера, двигаясь по колосающемуся пшеничному полю

по той же самой дорожке, по которой ещё совсем недавно в надежде интересных открытий фантастических и будоражащих воображение мест ехали на телеге, везомые прыгучей и игривой Ржанкой, нас вдруг настиг какой-то странный гул, не похожий ни на что, ранее нами слышанное.

В тот момент мы как раз находились неподалёку от торчавших из поля руин построек, тех самых, где нами были найдены останки необычного человекообразного механизма. Мы с ребятами спрятались за руинами и увидели, как на поле прямо рядом с нами откуда-то сверху начал спускаться исполинских размеров тёмный параллелепипед, подсвеченный снизу алым сиянием жара. Похоже на то, что он проник извне, через какую-нибудь дверцу на самой макушке нашей небесной полусферы, закрывающейся и открывающейся, скорее всего, примерно как-то так же, как открывается и закрывается погребок в сарае рядом с моей землянкой.

Наши совместно приложенные усилия к попытке заглянуть вовнутрь аппарата настолько, насколько позволял угол обзора и стенки параллелепипеда, не увенчались ровным счётом никаким успехом - он был полностью непрозрачным. Нулевой результат от наших усилий был объясним, прежде всего тем, что из руин, где пришлось всем спрятаться, заметно было лишь небо, поле и параллелепипед, пригибающий под одинаковыми углами колосья пшеницы ровными чуть закрученными полукружиями завихряющихся узоров под собой, образуя какой-то рисунок, который нам с нашего угла обзора виден не был совершенно.

Вдруг, где-то на самом его верху показались контуры незнакомых нам людей. Одеты они были в странную плотно облегающую их тела одежду, и один из них, показав явно, что заметил нас, прокричал вполне даже понятно и разборчиво: “Мы знаем, что вы здесь! Выходите, не бойтесь, вреда мы вам не причиним!” Тогда по праву старшинства я первый, хоть и несколько понуриив голову, осторожно решил выйти, а вслед за мной потянулись и остальные ребята. Мы шли все вместе, приближаясь к этому внушительных размеров аппарату, висевшему примерно на высоте ста метров над поверхностью поля. И что примечательно, аппарат начал постепенно спускаться, словно бы принимая нас в свои объятия.

По откинувшейся откуда-то сверху такой же тёмной и чуть ржавой лесенке к нам спустились те самые люди, которых мы видели на самой вершине агрегата. Человек, одетый в наиболее торжественно-вычурный и в то же время довольно строгого вида наряд, протянул ко мне свою руку и поздоровавшись представился:

- Капитан Артемидий Ломовский. С кем имею честь разговаривать?

- Ростислав, можно просто - Ростик, - кивнул я ему в ответ.

- Что ж, очень приятно. Нам с Вами, Ростислав, надобно бы обговорить, обсудить одну деталь. Вы же понимаете, что мы не можем позволить распространиться полученным Вами сведениям в Пыхтеловке, за пределы того места, где мы находимся? Так что вам всем здесь придётся пройти с нами.

Мы с ребятами, мягко говоря, были снова удивлены и шокированы. Вместе со знанием о куполе в центре безжизненной долины, это было уже слишком тяжело перенести.

- Как? Куда? Зачем? А вы кто? - вопросы буквально посыпались градом.

- Вы должны. Объясним на месте. Искать вас всё равно никто не станет: вас так долго не было в деревне, что все ваши соседи давно уж думают, что вы сгнули в близлежащих лесах. Мало ли, может, зверь какой задрал, - сказал, как отрезал капитан Ломовский, чуть заметно ухмыльнувшись оттенком кривой полуулыбки.

Когда мы поднялись на вершину необычного корабля, то впервые посмотрели на поле и нашу деревню с такой высоты и под таким углом. С дальних гор её не было видно вовсе, а подняться на подобную высоту в здешних краях у нас просто не было никакой возможности, поэтому, что мы могли сделать - это раскрыть полные от удивления глаза и ещё раз повторить свой вопрос.

- Объясняю, - ответил нам капитан Ломовский. - Посмотрите на всех этих людей вокруг нас.

Мы с любопытством разглядывали прибывших на тёмном параллелепипеде чужеземцев.

- Вы их не знаете, не так ли? В вашей Пыхтеловке наберётся чуть больше семи сотен человек. А можете ли представить, что там, откуда мы родом, обитает сейчас более двадцати миллиардов таких вот людей? И планета их едва выдерживает. Мы прибыли с вашего ночного светила, Земли, той самой планеты, которую вы почти каждую ночь наблюдаете у себя над головой и откуда родом всё человечество, в том числе и ваши прародители.

Когда-то в былые времена мы тоже жили в примерно такой же гармонии с природой в условиях неразвитой, едва начинающей свой путь цивилизации, почти так, как вы живёте сейчас. Но прошли века и мы сумели подчинить себе природу, научившись довольно эффективно и по-максимуму использовать её ресурсы, развили высокие технологии и построили для вас тех самых киборгов, довольно простеньких по

нашим нынешним нашим меркам, к слову сказать, которых вы столь неудачно обозвали “мертвяками”. И они прослужили вам без малого лет этак шестьдесят без перерыва, будучи снабжёнными ядерными батареями, которые так до конца и не израсходовали свой ресурс до сих пор, в отличие от выгоревших и окислившихся катушек сервоприводов и менее надёжных, чем ядерная батарея, электронных компонентов этих роботов. Кстати, а вы хоть в курсе, что такое “ядерная батарея”? Ладно, будет ещё время объяснить, вы уж не сомневайтесь.

В своём технологическом развитии мы достигли своеобразного пика, точки невозврата природных ресурсов, при которой значительная часть нашей планеты превратилась в разросшийся международный мегаполис, объединённый глобальной экономикой и общемировой инфраструктурой коммуникаций, ну за исключением разве что самых холодных и самых неудобных для освоения территорий: Гренландии, Антарктиды, Центральной и Восточной Сибири, Аляски, многочисленных северных островов за полярным кругом, южных пустынных земель и экстремально высоких гор Тибета, Гималаев, Анд и Кордильеров, что всё вместе, если вдуматься, составляет не такую уж и малую территорию. Но зато, как я уже говорил, вся остальная поверхность Земли превратилась в расплывшиеся до невообразимых пределов слившиеся друг с другом воедино города, которые расплываясь, точно плесень на поверхности корочки хлеба, поглотили собой всю ту территорию, которую был способен активно освоить человек.

И тогда мы решили пойти на эксперимент. Вряд ли ты слышал, Ростислав, но ещё несколько веков назад человечество придумало и развило идеи об экосистемах - замкнутых пространствах, где в течение нескольких лет способны сосуществовать параллельно и гармонично сразу несколько видов разных животных, растений, насекомых, всевозможных червячков, и экологический баланс их сочетания соблюден настолько, что существующих в экосистеме ресурсов, используемых в обмене веществ, достаточно для того, чтобы снова и снова возобновлять и продолжать жизнь там в течение очень долгого времени.

В поисках разрешения экологического кризиса на планете ученые внесли предложение построить и сделать заповедником, открытым только для исследований и ни для чего иного, подобную экосистему, которую так и назвали для удобства - Заповедник. И это был самый грандиозный проект из всех проектов, когда бы кто ни было затеянных человечеством. Мы действительно за несколько лет сумели возвести из сверхпрочных и сверхлёгких синтетических материалов, открытых

совсем недавно до начала строительства, купол просто невообразимых размеров для пространства вашего Заповедника. Купол был спроектирован размером около двухсот километров в диаметре, а затем люди прошлого заселили его тщательно спланированным экологами гармонично сбалансированным видовым разнообразием земных форм жизни - лесами и травами, птицами и зверями, насекомыми и грибами, рыбами и бабочками, в том числе и людьми.

Люди взяли то лучшее, что существовало в природе и объединили всё это в баланс обмена веществ. У вас здесь достаточно воды из озера, а испаряясь, она вновь выпадает дождями, питающими почвы растений, растения питают зверей, а звери питают вас. В общем, если бы не некомфортно и непривычно низкая для нас гравитация, то здесь всё обстоит ровно так же, как обстояло на Земле лет этак пятьсот тому назад. Построен этот "город по куполом" был, как вы, наверное, уже поняли, в полной изоляции на ближайшем спутнике Земли - на Луне, в кратере, получившем когда-то давно название Море Ясности, где мы с вами сейчас все и находимся, и именно границы этого кратера вы и увидели сквозь прозрачную поверхность купола как невозможно высокие чёрные горы, уходящие высоко в небо на горизонте лунной поверхности. А пока вы рассматривали нетронутый пейзаж Луны, мы заметили вас через установленные на опорах купола камеры слежения - и через некоторое время прибыли сюда, дабы исключить утечку информации и отслеживая весь обратный путь вашего перемещения в сторону Центральной Пыхтеловки.

Заповедник - отнюдь не единственный город под куполом на Луне, сейчас их здесь около тридцати, зато самый крупный и единственный нецивилизованный. Все прочие используются для решения всевозможных проблем цивилизации - добыча полезных ископаемых, научно-исследовательские и производственные лаборатории, военные разработки, промышленные заводы токсичного химпроизводства, дешёвые жизненные пространства для тех чудаков, что навсегда готовы распрощаться с Землёй и продолжить освоение Луны, променяв близость глобальной цивилизации на большее жизненное личное пространство, спокойствие, удобство и качество жизни. Есть здесь и суровые тюремные территории, сбежать откуда практически невозможно - последняя тюрьма закрылась на Земле ещё лет двести тому назад.

Но Заповедник - пространство поистине уникальное и неповторимое, предоставляющее практически безграничный простор для исследований - как экологических, так и психологических. И вот

уже без малого сотню лет со времени строительства Заповедника мы всем светом биологов, антропологов, психологов и философов стараемся в чертах вашего развития рассмотреть ключи к разрешению насущных вопросов собственной цивилизации и понять, где и когда мы свернули не туда, куда бы следовало свернуть, и какие ещё тропы способна предоставить нам жизнь.

Как раз сто два года назад началась вся эта история с вашим жизненным пространством - в 2362 году. Поскольку ни одна страна не имела достаточно средств, проект было решено сделать интернациональным, однако доставкой, установкой грузов, поставкой роботов, представлявших собой модифицированную мирную версию боевых дроидов, и выращиванием в лабораториях биотехнологий всего будущего видового разнообразия Заповедника занималась наша страна - Россия при поддержке Коалиции Стран Восточного Региона, как страна, имеющая одну из наиболее давних и развитых государственных программ освоения космоса, равно как и подходящие аэродромы для запуска многочисленных грузовых шаттлов, правда, китайского производства.

К слову сказать, изначально планировалось отправить сюда на заселение первых людей, но позже проект был несколько модифицирован и как уже было сказано, весь видовой состав был искусственно подготовлен в биологической лаборатории, причём здесь же, на Луне, в другом городе под куполом. Причиной, приведшей к изменению планов было наше желание изучить, каким именно образом влияют на восприятие мира, взаимоотношения с окружающей природой жизнь изначально вне цивилизации с самого начала. Все же те люди, которых мы имели возможность тогда отправить сюда, были современными людьми, привыкшими к условиям цивилизации, поэтому чистота эксперимента могла уже тогда изначально быть нарушена.

Теперь же эту самую чистоту эксперимента пытаетесь нарушить вы своим открытием. Понятное дело, что, будучи выведенными “из пробирки”, вы понятия не имеете обо всей истории человечества, далее как за столетнюю историю жизни ваших поколений в Заповеднике на Луне. И мы наблюдаем, наблюдаем, как продолжит своё развитие ваша родная Пыхтеловка, всегда будущая в центре внимания учёных из будущих поколений землян. А теперь единственный наиболее гуманный способ для вас шестерых - это согласиться с нами отправиться на Землю, дабы вы никому не могли бы выдать наши секреты.

Я тогда подумал, что этот капитан Ломовский, столь долго и

подробно вводивший нас в курс дела, по сути, не оставляет нам выбора.

Я окинул тогда взглядом всех присутствующих, как односельчан-пыхтеловцев, так и землян, умело и с невообразимой скоростью манипулировавших многочисленными и разнообразными чувствительными к прикосновениям трёхмерными изображениями, окружавшими их и висящими прямо в воздухе, и вскоре вся наша планета, где мы, шестеро мальчишек, родились, стала сначала размером с шар в полнеба и укORIZненно смотрящий на нас стрекозьими глазками других прозрачных куполов, поблёскивавших на солнце, среди которых был и наш ярко-пронзительно-зелёный островок, в котором прошла вся моя предыдущая сознательная жизнь.

Затем Луна стала размером с крупную сковородку, спустя незначительный период времени - с капустный кочан, точно бы обсыпанный отражающей солнечные лучи серебристой пылью, а через ещё всего несколько часов столь чуждый, поразительный и казавшийся мне тогда непривычным земной мир ослепительных электирчеких огней, летающих миниатюрных повозок и домов самых причудливых форм и расцветок, упирающихся прямиком в небо и созданных из невесть каких материалов, людей, одетых в аляповато-вычурные костюмы неизвестных для меня названий, и укутанных с ног до головы мигающими огоньками каких-то устройств неясного предназначения, раскрыл передо мной свои устрашающие своей новизной и чуждостью объятия высокотехнологичной цивилизации.

А дальше, дальше жизнь моя закипела по новому и донесла меня до того самого момента, когда у меня появилась возможность вам обо всём этом рассказать - как одному из шести людей, рождённых на Луне и ныне живущих на Земле.

*Белоусов Роман,
22 июля 2015 года.*